
А. С. ЛЕВОЧСКАЯ

О работе Юрия Крижанича над текстом русской летописи

Католический священник, миссионер Конгрегации пропаганды веры, философ и писатель, хорват Юрий Крижанич (1617—1683) приехал в Россию в 1659 г. Целью его миссии было приведение России к унии с Римской католической церковью. Через два года после приезда в Москву, в 1661 г. Крижанич по каким-то причинам (эти причины остаются до сих пор неясными) был сослан в Тобольск. Проведя в ссылке 15 лет, Крижанич написал там целый ряд философских, политических и лингвистических сочинений.

В 1641 г. Ю. Крижанич в своей Записке префекту Конгрегации пропаганды веры кардиналу Антонио Барберини, рассуждая о своей будущей миссии в Москву и путях ее осуществления, пишет о том, что заключение унии является сверхзадачей и, вероятно, оно не может быть плодом усилий одного человека. Работа по достижению поставленной цели может вестись в разных направлениях и на разных уровнях. Себе Ю. Крижанич отводит скромную роль просветителя. Крижанич считал, что объяснить «москвитянам» их заблуждение, в которое они были введены греками-схизматиками, невозможно без предварительной просветительской деятельности: «Я полагаю, что отправиться для собеседования с ними не значит еще идти проповедовать веру (какое дело я никогда не помыслил бы взять на себя), а значит лишь увещевать их добродетели к наукам и искусствам, по введении каковых было бы уже более легким делом указать их заблуждения и обман, что и составит задачу уже иных мужей, исполненных добродетелей и вдохновения».¹ Об одном из направлений «просветительской» деятельности Ю. Крижанича, а именно о его попытках редактирования русской летописи, пойдет речь в настоящей статье.

В 1659 г., сразу после своего прибытия в Москву, Крижанич подал на имя царя письмо, в котором предложил Алексею Михайловичу свои услуги в качестве переводчика, грамматиста, лексикографа и историографа. В своем письме Крижанич упоминает книгу Адама Олеария,² в которой критикуются порядки Московского государства и без должного почтения описывается московская знать: «Сей описал есть нынешнее лице сего славного царства; тамо исчитает вся приказы и имянует имена всех без мала ныне живущих бояров и людей приказных и всякие наименшие вещи описует <...> В тех книгах читахом некоторая мерзкая злоглашения с немалою жалостию и про-

---

¹ Белокуров С. А. Юрий Крижанич в России. М., 1902. Прилож. С. 57.

² *Olearius A. Vermehrte Neue Beschreibung der Muscowitischen... Reise... Schleswig, 1656.*

гневанием».³ Крижанич предлагает написать «правдивую» историю русского государства: «Ради предреченных вещей может издаться полезно и потребно быти списати историю правдиву и совершенноу сего царства и всего народа словенска; тем разорити хуление, которые истории писатели наносят на се царство и на весь народ <...> Молим ваше царское величество названи быти историко летописцом вашего царского величества и под сим именем служити (курсив мой. — А. Л.)».⁴ Алексей Михайлович откликнулся только на одно из предложений Крижанича: ему было поручено написать грамматику и составить словарь церковнославянского языка.⁵ Однако позже, уже находясь в ссылке, Крижанич возвращается к идее написания «истории правдивой» Русского государства.

1 сентября 1661 г. Ю. Крижанич, находясь в ссылке в Тобольске, начинает делать выписки из польской истории М. Кромера.⁶ Однако вскоре он откладывает эту работу, обращается к русской летописи и начинает делать выписки из нее, завершая эту работу 8 января 1662 г., о чем свидетельствует запись в конце этой части рукописи: «Vogu chwala 1662, ianwara 8 deny». Далее Крижанич делает выписки из работ иностранных историографов. Рукопись⁷ была пронумерована Крижаничем постранично; впоследствии при архивной обработке была добавлена полистная пагинация. При нумерации листов не были учтены отсутствующие листы после л. 197. Уже после того как были пронумерованы листы, был утрачен л. 198. Таким образом, в рукописи отсутствуют два листа, утраченные еще до архивной обработки (по нумерации Крижанича — с. 417—420), и л. 198, утерянный уже после архивной обработки. Далее мы будем указывать постраничную нумерацию оригинала, а в скобках — позднюю нумерацию в листах. Объем всей рукописи составляет 293 листа: с. 23—226 (л. 1—102) — выписки из русской летописи; с. 227—233 (л. 103—106) — *kazalo* (оглавление к выпискам из русской летописи); с. 234—240 (106 об.) — *o derz'awie Sibiri* (дата окончания работы — 12 января 1662 г.); с. 241—416 (л. 110—197 об.) — выписки из П. Петрея;⁸ с. 421—453 (л. 199—230 об.) — выписки из М. Кромера (13—16 января 1662 г.); с. 453—576 (л. 231—276 об.) — выписки из летописи Ц. Барония;⁹ с. 577—610 (л. 277—293) — выписки из Ф. Комина¹⁰ (дата начала работы — 16 февраля 1662 г.).

Часть рукописи, содержащая выписки из русской летописи, дефектна: отсутствуют первые 22 страницы. На с. 23 (л. 1) начинается рассказ о Борисе и Глебе. Оканчиваются выписки из летописи сообщением о смерти патриарха Иосифа и возведением на патриаршество Никона (1652). Однако мы можем получить представление о том, что было в отсутствующих листах, из

³ Белокуров С. А. Юрий Крижанич в России. С. 173.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Приложение. С. 288.

⁶ *Cromer M. De origine et rebus gestis polonorum. Basileae, 1555.*

⁷ РГАДА, ф. 381, № 1801. Традиционно эти выписки Крижанича из различных источников именуются «Историей».

⁸ *Petrijus P. Historien und Bericht von dem grossfürstenthumb Muschkow. Lipsiae, 1620.*

⁹ *Baronius C. Annales ecclesiastici libri XII. Romae, 1588—1600.*

¹⁰ *Comines Ph. Duo gallicarum rerum scriptores nobilissimi. Frossardus in brevem historiarum memorabilium Epitomen contractus; Ph. Cominaeus de rebus gestis a Ludovico XI et Carolo VIII. Francofurti, 1594.*

составленного Крижаничем оглавления, «казала», сопоставление которого с источником выписок Крижанича позволяет с большой точностью судить о тексте, имевшемся в утраченных начальных листах рукописи.

Еще П. А. Бессонов отметил совпадение выписок, сделанных Крижаничем, с соответствующими местами летописного сборника, описанного И. Д. Беляевым и находящегося в собрании Погодина (РНБ, собр. Погодина, № 1406).¹¹ П. А. Бессонов предположил, что именно этим списком, который И. Д. Беляев считал уникальным, пользовался Крижанич, находясь в Тобольске.¹² Между тем, как установил А. Н. Насонов, рукопись № 1406 из собрания Погодина входит в число списков выделенного им Летописного свода 1652 г., созданного при патриаршей кафедре Никона.¹³ К учтенным А. Н. Насоновым спискам Свода можно добавить и те, которые исследует Л. В. Черепнин в статье,¹⁴ посвященной истории Смутного времени. Отдельное исследование Свода 1652 г. (выделение нескольких редакций, поиск новых списков, составление перечня источников Свода 1652 г.) было предпринято А. В. Лаврентьевым; к настоящему моменту известно 15 списков полной редакции Свода.¹⁵

Как особенность Свода 1652 г. был отмечен тот факт, что составителями в него было включено большое количество исторических и легендарно-исторических повестей XVI—XVII вв.¹⁶ — таких, например, как «Сказание о Словене и Русе», «Повесть об обретении Мономахова венца»¹⁷ и др.

А. В. Лаврентьевым были выявлены две редакции Летописного свода 1652 г.; время создания первой редакции — 1652 г., вторая была создана не ранее 1655 г.¹⁸ В нее не вошли некоторые статьи, присутствовавшие в первой редакции: под 6647 г. — «О знамении пресвятыя Богородицы, иже в Великом Новеграде» и житие Иоанна Новгородского; под 6683 г. — рассказ об убийстве Андрея Боголюбского «от боляр своих Кучковичов»; под 6804 г. — рассказ о вокняжении в Москве Даниила Александровича. Во второй редакции отсутствует также «Повесть Симеона Суздальского о осмом соборе».¹⁹

¹¹ Беляев И. Д. Две выписки из летописного сборника Погодинской библиотеки, XVII в., о столповом соборе и о свойствах царя Бориса Феодоровича Годунова, с кратким описанием сборника и с руководящими замечаниями // Архив историко-юридических сведений. 1850. Кн. I. Отд. 6. С. 30—32.

¹² Бессонов П. А. Юрий Крижанич, ревнитель воссоединения церкви и всего славянства в XVII веке // Православное обозрение. 1870. Янв. С. 348—352.

¹³ Насонов А. Н. 1) Летописные памятники хранилищ Москвы : (Новые материалы) // Проблемы источниковедения. М., 1955. Вып. 4. С. 243—285; 2) Материалы и исследования по истории русского летописания // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1958. Вып. 6. С. 235—274.

¹⁴ Черепнин Л. В. «Смута» и русская историография XVII в. // Исторические записки. М., 1945. Т. 14.

¹⁵ Лаврентьев А. В. Списки и редакции летописного свода 1652 г. // Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981. С. 62—82.

¹⁶ Список повестей, включенных в текст Свода 1652 г. см. в статье: Лаврентьев А. В. Летописный свод 1652 г. как источник по истории изучения русской средневековой повести XV—XVII вв. // Русская книжность XV—XIX вв. М., 1989. С. 164—182.

¹⁷ «Повесть об обретении Мономахова венца», включенная в Свод (6622 г.), — перделка конца XVI в. «Сказания о князьях Владимирских» (см.: Лаврентьев А. В. Летописный свод 1652 г. (в разделе: Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси»)) // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 118. Ранее она была известна только в самостоятельных списках (см.: Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 48).

¹⁸ Лаврентьев А. В. Списки и редакции летописного свода 1652 г. С. 62—82.

¹⁹ Там же. С. 75.

Поскольку в выписках Крижанича мы находим все вышеперечисленные статьи, следует заключить, что он работал с текстом первой редакции Свода. По мнению А. В. Лаврентьева, «лучшие по сохранности и одни из самых ранних» списков этой редакции — список РНБ, собр. Погодина, № 1406 и список РГБ, собр. Большакова, № 423. А. В. Лаврентьев указывает, что «обе рукописи дают полный текст и имеют общие характерные признаки, позволяющие отнести их к самым ранним <...>. Остальные списки первой редакции имеют те или иные потери в тексте».²⁰ В нашей статье мы обращаемся к списку № 1406 из собрания Погодина.

Вероятно, выписки из русской летописи должны были стать подготовительным этапом работы Крижанича по написанию собственной, исправленной русской истории.

Идея Крижанича написать отдельный труд по истории Русского государства осталась нереализованной. Однако в его «Политике»²¹ есть раздел, представляющий собой критический разбор русского летописного источника, который можно, вероятно, рассматривать как попытку Крижанича «привести в порядок» «древнюю историю» России.

Задача данной статьи — показать механизм работы Крижанича над текстом Летописного свода 1652 г. и непосредственное его использование (комментирование) в «Политике».

Рассматриваемый нами вопрос об изучении Крижаничем материалов русской летописи и работе с ними не является новым. Этому вопросу посвящена статья А. Л. Гольдберга «Работа Ю. Крижанича над русской летописью».²² В своей статье исследователь рассматривает текст выписок Крижанича из русской летописи, известный ему, однако, только по копии, сделанной П. А. Бессоновым.²³ А. Л. Гольдберг называет Летописный свод основным источником знаний Ю. Крижанича по русской истории. Ю. Крижанич в своих сочинениях, пишет он, часто обращался к тем сведениям, которые почерпнул из русской летописи. А. Л. Гольдберг касается только двух легенд о возникновении и развитии государственности на Руси, обсуждаемых Крижаничем в «Политике»: о призвании варягов и дарах Мономаха. Объясняя критическое отношение Крижанича к этим двум легендам, А. Л. Гольдберг пишет, что Крижанич «стремился поднять международный авторитет Московского государства и укрепить престиж царской власти с помощью аргументов, заимствованных из отечественной истории. Но русские авторы шли к этой цели путем доказательств происхождения русских правителей (Август—Рюрик—Владимир) и Русского государства (Рим—Византия—Москва) от каких-либо других „великих“ государей и государств, а Крижанича подобный путь уже не удовлетворял. Крижанич видел в русских историко-политических теориях не возвышение, а унижение достоинства абсолютного монарха и поэтому настойчиво полемизировал с московской литературной традицией».²⁴

²⁰ Там же. С. 68—70.

²¹ Крижанич Ю. Политика. М., 1965.

²² Гольдберг А. Л. Работа Юрия Крижанича над русской летописью // ТОДРЛ. Л., 1958. Т. 14. С. 349—354.

²³ Рукопись «Истории» Ю. Крижанича А. Л. Гольдберг считал утраченной (там же. С. 350).

²⁴ Там же. С. 353. См. также: Акимова О. Славянские древности в трудах Юрия Крижанича // Slovo. Sv. 56—57. Zagreb, 2008. С. 39—56.

К теме критики Крижаничем некоторых историко-политических теорий обращается А. С. Мыльников в своей книге «Картина славянского мира: Взгляд из Восточной Европы».²⁵ А. С. Мыльников рассматривает появление и развитие на Руси сюжетов о скифском происхождении славян, грамоте Александра Македонского, происхождении рода русских князей от римского императора Августа. Исследователь обращает внимание на то, что указанные сюжеты получили отражение в «Политике» Ю. Крижанича, однако не указывает источник, из которого они были известны Крижаничу.

Необходимость вернуться к теме работы Крижанича с материалами русской летописи продиктована следующим обстоятельством. Несмотря на то что ученые обращали внимание на обсуждение различных вопросов русской истории в сочинениях Крижанича и указывали на источник его знаний по русской истории (Летописный свод 1652 г.), анализируемый фрагмент «Политики» (раздел 32 книги III) еще никогда не рассматривался как построчный комментарий к тексту Летописного свода 1652 г.

Имеющиеся данные позволяют говорить о двух этапах работы Крижанича с историческим материалом. На первом этапе, отразившемся в выписках, происходит изучение и отбор материала: Крижанич переписывает не весь текст Летописного свода; он выбирает наиболее важные, значимые на его взгляд факты, иногда сопровождая переписанные сообщения краткими замечаниями.²⁶ На втором этапе он переходит к комментированию летописного текста. В разделе 32 книги III «Политики» Крижанич разбирает легенды, «басни» о происхождении славян и возникновении русского государства: о происхождении славян от скифов, о даровании Александром Македонским грамоты славянским князьям, о призвании варяжских-пруссских «князей-курфистров» и происхождении русских князей из рода римского императора Августа, о даровании Константином Мономахом царских регалий Владимиру Мономаху.

Можно с уверенностью говорить, что все перечисленные легенды были взяты Крижаничем из Летописного свода 1652 г. Об этом свидетельствует как порядок, в котором он комментирует эти легенды в «Политике» (тот же, что и в Летописном своде), так и текстуальные совпадения между соответствующими фрагментами Свода 1652 г. и их пересказом в «Политике».

Первые три легенды составляют основу «Сказания о Словене и Русе», открывающего Свод 1652 г.; легенда о Мономаховых дарах отражена в «Повести о Мономаховом венце» (в Своде под 6622 г.).

«Сказание о Словене и Русе» рассказывает о происхождении славян и возникновении Русского государства.

Истории создания и распространения «Сказания о Словене и Русе» посвящена статья А. Л. Гольдберга «Легендарная повесть XVII века о древнейшей истории Руси».²⁷ Исследователь полагал, что текст «Сказания», вошедший в Свод 1652 г., отражает вторую редакцию «Сказания». Согласно гипотезе А. Л. Гольдберга, первая редакция была создана в 1650 г. и вошла в состав Свода 1650 г., гипотезу о существовании которого выдвинул

²⁵ Мыльников А. С. Картина славянского мира : Взгляд из Восточной Европы. СПб., 1996.

²⁶ Гольдберг А. Л. Работа Юрия Крижанича над русской летописью. С. 350.

²⁷ Гольдберг А. Л. Легендарная повесть XVII века о древнейшей истории Руси // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1982. Т. 13. С. 50—63.

А. Н. Насонов.²⁸ С другой стороны, А. В. Лаврентьев высказал предположение о том, что указанные А. Н. Насоновым как относящиеся к Своду 1650 г. рукописи представляют собой сокращенные варианты Свода 1652 г. Кроме того, А. В. Лаврентьев указал, что А. Л. Гольдбергу не были известны два списка «Сказания», относящиеся к более раннему времени, чем середина XVII в. (около 30-х гг. XVII в.). Но именно Свод 1652 г. стал самым ранним историческим сочинением XVII в., в состав которого вошло «Сказание о Словене и Русе».²⁹

«Сказание» начинается рассказом о разделении Вселенной между потомками Ноя. Через некоторое время от потомков Афета отделяются «правнуцы афетовы Скиф и Зардан»: «отлучишася от братии своей и от рода своего от западных стран и коснушася полуденных стран, и вселишася во Ексинопонте и живяху тамо многа лета и от сих породилшася сынове и внуцы и прозвашася по имени прадеда своего Скифия Великая».³⁰ Между многочисленными потомками Скифа и Зардана начинается «распря и междоусобие и крамола многа тесноты ради места».³¹ Князья Словен и Рус («скифские князья»), превосходившие в силе и храбрости всех князей своего рода, решают покинуть свои земли и отправиться на поиски новой земли: «Оставим вражду сию и несогласие, иже ныне тесноты ради творится в нас, и подвигнемся убо, и идем от земли сея и от рода нашего, и поидем по вселенной света, сущей во жребии прадед наших, иде же нас приведет счастье и благословение праотца нашего благословеннаго Афета».³² Словен и Рус после долгих скитаний приводят свой народ к озеру Моикса, которое переименовывают в Илмер «во имя сестры их Илмеры»,³³ и основывают город Словенск, «ныне Новьград».³⁴ Дальше приводится легенда о даровании Александром Македонским грамоты славянским князьям,³⁵ дающей им право владеть землями от Варяжского моря до Хвалынского. Заканчивается «Сказание о Словене и Русе» рассказом о призвании на княжение в Новгород прусских князей-курфистров из рода римского императора Августа.

Легенды о происхождении русских князей из рода римского императора Августа и о получении Владимиром Мономахом царских регалий от византийского императора Константина Мономаха лежали в основе «Сказания о князьях Владимирских», созданного в первой трети XVI в. (не позднее 1527 г.) и получившего широкое распространение в годы правления Ивана IV. Текст «Сказания» (а также его отдельные части) использовался в произведениях официальной литературы (дипломатической переписке, чине венчания русских государей, официальной летописи).³⁶ В Летописный свод 1652 г.

²⁸ Насонов А. Н. Летописные памятники... С. 271—272.

²⁹ Лаврентьев А. В. Летописный свод 1652 г. С. 118.

³⁰ ПСРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 139.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 140.

³⁵ Текст грамоты был заимствован составителем Свода 1652 г. из «Польской хроники» М. Бельского (*Гольдберг А. Л.* Легендарная повесть XVII века... С. 51). О развитии сюжета о грамоте Александра Македонского на Руси см.: *Мыльников А. С.* Картина славянского мира. С. 82—83.

³⁶ *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. С. 110—151.

вошла переделка «Сказания» конца XVI в.,³⁷ известная до Свода 1652 г. только в самостоятельных списках.³⁸

Сопоставление пересказа указанных легенд в «Политике» с их ранними редакциями показывает, что Крижанич использовал не их, а редакцию Свода 1652 г. Так, например, пересказывая легенду о призвании на новгородский престол варяжско-пруссских князей-курфюрстов из рода римского императора Августа, он не указывает легендарного Пруса, через которого в «Сказании о князьях Владимирских» устанавливается родство между русскими князьями и римским императором Августом и упоминание о котором отсутствует в Своде 1652 г.

Крижанич доказывает неправомочность возведения русского царского рода к роду Августа: «...roda Awgústowa w' samóm Rimú w' málom wrémenu, i práwo w' samóm Awgústu, iest nestálo. Awgúst bo níst imal sína rodnôgo, no Tibériijusza pòsínka, kîy iest zanyím kralyewál. A zasím ktalyewâchu Kalígula, Klâwdijusz, i Nerón, Awgústowi premenníkí. Nerón zgínu bez otrôdia, i posle Neróna níкто ná swetu seníst ózwal Awgústowim plemenníkòм: râzwe iedîniy cár Iwán, posle tísuca i peti sôt godòw ot Neróna» («...в самом Риме род Августа прекратился очень скоро и окончился на самом Августе. Ведь у Августа не было родного сына, а лишь пасынок — Тиберий, который правил после него. А потом правили родичи Августа — Калигула, Клавдий и Нерон. Нерон умер бездетным, а после Нерона никто на свете не считал себя родичем Августа, разве что один царь Иван — через тысячу пятьсот лет после Нерона»).

Не учитывая того, что легенда о происхождении русских князей была известна Крижаничу по тексту Свода 1652 г., А. Л. Гольдберг совершает ошибку, приписывая Крижаничу знание фактов, отсутствующих в Своде 1652 г., например, выведение рода русских князей из рода легендарного брата Августа — Пруса.⁴⁰

Поскольку часть рукописи, содержащая выписки Крижанича из русской летописи, дефектна (отсутствуют первые 22 страницы), мы не имеем возможности сравнить фрагмент «Политики», где Крижанич разбирает легенды о происхождении славян и образовании Русского государства (Раздел 32 книги III «Политики») с его выписками из начала Свода 1652 г., где приводятся эти легенды. Однако, несмотря на это, мы можем получить достаточно точное представление о том, что было в утраченных листах. В составленном Крижаничем оглавлении находим (курсивом выделены указания на интересующие нас легенды):

- Skif, Zardan, Ewksinopont, Skifja* — 1
- Slowen, Rus, Bolgar, Koman, Ister* — 1
- Preselyenie iz Ewksinoponta* — 1
- Irmer, Wolchow, Nowgrad, Szelona* — 2
- Wolchow w'werch po recie* — 3
- Aleksandrowa prawica* — 3
- Nowagrada sozdanie* — 3
- Z'olti Zeleni wodi, Skir, Ob, Dinki* — 4

³⁷ Лаврентьев А. В. Летописный свод 1652 г. С. 118.

³⁸ Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. С. 48.

³⁹ Крижанич Ю. Политика. С. 288, 626.

⁴⁰ Гольдберг А. Л. Работа Юрия Крижанича над русской летописью. С. 353.

W' Jegiptie w'Jerusalimie woiuiut — 4
Welikosan, Asan, Aweschasan — 4
 Laloch, Lachern — 6
 Pomor, Opustoszenie — 6
 Preselyenie wtoroe slowienczew — 7
 i ot Wugrow opustoszenie — 7
 Preselyenie tretie z'Gostomislom — 7
 Polyane, Czud, Serbi, Bolgari — 8
Gostomislow sowiet — 8
 Kiy, Sc'ok, Choriw, polyane — 9
 Askold, Dir, Drewlyani — 9
Kurfistr Rurik, Trowur, Sineus ot roda Awgustowa — 10.⁴¹

Приводим таблицу, которая демонстрирует наличие / отсутствие конкретной легенды или указания на нее в различных текстах.

Т а б л и ц а

Легенды	Свод 1652 г.	Выписки Крижанича из Свода 1652 г.	Оглавление к выпискам из Свода 1652 г., составленное Крижаничем	«Политика»
О первых славянских князьях, названных скифскими князьями	+	—	+	+
О грамоте Александра Македонского	+	—	+	+
О призвании князей из рода Августа	+	—	+	+
О дарах Мономаха	+	+	+	+

Только в случае с последней легендой о дарах Мономаха мы, наблюдая за комментированием этой легенды Крижаничем в «Политике», имеем возможность увидеть именно тот текст легенды, с которым работал Крижанич: он находится в его выписках. В случае с остальными легендами, текст которых по причине дефектности рукописи отсутствует в выписках Крижанича, мы вынуждены обращаться к тексту Свода 1652 г. по рукописи из собр. Погодина РНБ, № 1406.

Свой разбор летописных известий Крижанич предваряет следующим вступлением: «A sadá rozuméem basni, kotórije caria Iwana i inich Rúskich Wladatelyew laskawci i domásznyi báchori udûmasze, i w' naródnije pówesti wpisásze» («А теперь разберем те басни, что были выдуманы и вписаны в народную историю льстецами и придворными баятелями царя Ивана и иных русских государей»)⁴².

Далее мы приводим фрагменты текстов легенд: о скифских князьях, грамоте Александра Македонского, о призвании князей из рода Августа по списку Летописного свода 1652 г.; о дарах Мономаха — по тексту выписок Крижанича из Свода 1652 г. После текста каждой легенды мы помещаем относящийся к ней комментарий Крижанича из «Политики».

⁴¹ РГАДА, ф. 381, № 1801, л. 227.

⁴² Крижанич Ю. Политика. С. 283, 622.

1. В Своде 1652 г. князья Словен и Рус, потомки Афета, сына Ноя, именуются «скифскими князьями», а область, из которой, согласно данной легенде, Словен и Рус начали свое странствие в поисках новой, подходящей земли, называется «Великой Скифией» (по имени предка Словена и Руса — Скифа, потомка Афета).

«В лѣто от сотворения свѣта 2244-е по потопѣ во 2-е лѣто по благословению отца своего Ноя Афету излившуюся на Западныя страны и на Сѣверныя даже и до Полунощныя. По мале же времени правнучы Афетовы Скифѣ и Зарданѣ отлучишася от братии своей и от рода своего от Западныхъ странъ и коснушася Полуденныхъ странъ, и вселишася во Ексиннопонтѣ. И живяху тамо многа лѣта. И от сихъ породилася сынове и внуцы, и умножишася зѣло, и прозвашася по имяни прадѣда своего Скифия Великая. <...> княземъ убо скифѣскимъ Словену и Русу, мудростию и храбростию в родѣ своемъ всѣхъ превозшедшимъ, и начаша размышляти с поданными своими...».⁴³

Крижанич пишет: «Piszut iako bi nász Slowênskiy naród imal bit izizsel ot Skífskogo plémèna: iliti bud bichu Skífi bíli pèrwi nászi prèdniki i narodítelyi» («Пишут, будто бы наш славянский народ произошел от скифского племени и будто скифы были нашими предками и прародителями») и выражает свое отношение к этой легенде в резкой форме: «Aczto bledét báchor: ieze bichu Slowênci ot Skífow bíli naroženi: níczyo glúplyego ni ostudnéego nászemu ródu nemóžerše udúmat» («А что шут болтает, будто славяне произошли от скифов, то ничего глупее и позорнее для нашего племени нельзя придумать»)⁴⁴.

2. Легенда о даровании Александром Македонским грамоты славянским князьям.

«Началницы же тогда во славенехъ и русехъ князи бѣша, имже имена: 1 — Великосань, 2-е Асань, 3 — Авесхасань, ции же бяху храбрѣствомъ и мудростию многихъ превосшедше».

Далее следует текст грамоты Александра Македонского:

«Александръ, царь царемъ, и над цари бичъ Божий, презвитяожный рыцарь, всего свѣта обладатель и всѣхъ иже под солнцемъ грозный повелитель, непокорнымъ же яростный мечъ, всего свѣта страхъ, — честнѣйшимъ над честнѣйшими в дальномъ разстоятелномъ и незнаемомъ крае вашемъ от нашего величества честь и миръ и милость вамъ и по васъ храбросердому народу словенскому, славнѣйшему колѣну, рускимъ княземъ и владѣльцомъ от моря Варяжского и до моря Хвалымского, велебнымъ и милымъ моимъ храброму Великосану, мудрому Асану, счастному Авесъхасану. Вѣчне поздравляю, яко самѣхъ васъ любезно лицемъ к лицу целую сердечне и приемлю яко други по сердцу моему. И сию милость даю вашему владычеству: аще каковый народъ вселится в предѣлахъ вашего княжества, от моря Варяжскаго даже до моря Хвалымскаго, да будутъ вамъ и роду вашему подлежими вѣчной работѣ, во инья же предѣлы да не вступитъ отнюдь нога ваша. Сие достохвалное дѣло замкнено нашимъ листомъ и подписано царьскою высокодержавною правцею, и за природнымъ нашимъ государьскимъ златоскованнымъ гербомъ привѣшеннымъ дано вашей честности в вѣчность» (л. 5—6 об.).

⁴³ РНБ, собр. Погодина, № 1406, л. 1. (Далее ссылки на номер листа в тексте).

⁴⁴ Крижанич Ю. Политика. С. 283—284, 622—623. (Далее ссылки на страницы этого издания в тексте).

Крижанич опровергает достоверность и этой легенды, замечая: «Azatím báiuť: iako bi Aleksânder Slowênskim knêzom (: Welikosánu, Asánu, i Aweschásanu:) býl prislal slobodíni w' pismú, ili w' darowálnije grámoti: i podarowál yim ná weki zémlyu, káia ležíť mežu Chwalínskim i Wariázeskim môrem. A nemogáchu razsudít ti báchori: iako Aleksânder nemogásze níkomu darowát zemlyí, káia níkolo w' iego óblasti nist bila» («А еще говорят, будто бы Александр послал славянским князьям (Великосану, Асану и Авесхасану) письменные привилегии или жалованные грамоты и даровал им навеки землю, коя лежит между Хвалынским и Варяжским морями. Но не могли или не старались понять эти шуты, что Александр не мог никому подарить землю, которая никогда не была под его властью») (с. 622).

3. Легенда о призвании варяжских князей из рода римского императора Августа:

«И поставиша старѣйшину князя от рода своего, имянем Гостомысла <...>. Егда же сей Гостомысль прииде во глубокую старость и не могий владѣти таковыми многочисленными народы, ниже утѣшити многмятежныхъ кровопролитий в родѣ своем, тогда убо онъ призываетъ к себѣ властеля руския, иже под нимъ, и рече к нимъ осклабленнымъ лицомъ: Мужие и братия и сынове, се убо уже азъ состарихся велми, и крѣпость моя исчезаетъ, и умъ отстуетъ, и жду токмо смерти. А се вижду, яко земля наша добра и всѣмъ изобилна, но не имать в себѣ царя от рода царьского. Сего ради в васъ мятежь великъ и неутѣшимъ и междоусобие зло. Молю убо васъ, послушайте мене и совѣта моего, иже реку вамъ: по смерти моей идѣте за море в Варяжскую землю и молитесь тамо живущихъ самодержцовъ, иже есть рода кесаря Августа, да идутъ к вамъ княжити. Нѣсть вамъ срама таковымъ покоритися <...> новгородцъ же после начального ихъ князя Гостомысла, многое время посадниками Земля ихъ правяшеся, донде в кривичахъ и древланехъ по князе ихъ Кию, от негоже и градъ созданъ Киевъ, обладаху племянники его Оскольдъ и Дирь. И насилываху словяномъ, иже в Великомъ Новѣградѣ. И сего ради воспоминаша наказание Гостомысла, и послаша послы своя в Варяжскую землю. Они же, шедше тамо, обрѣтоша курьфистра, или князя великаго, имянемъ Рюрика, рода суца кесаря Августа, и умалиша его еже княжити над ними» (л. 8 об.—11 об.).

Эту легенду Крижанич считает вымыслом. Русские, выдумывая о себе подобные «малопохвальные басни», лишь позорят себя и дают повод другим народам насмеяться над собой. Называя эту легенду «глупой и грубой ложью», Крижанич связывает ее возникновение с желанием Ивана Грозного повысить свой международный статус: «Gostomísel dê knêz, wo swoem smértnom rozdêlu, sícewu otlúku iest uczinil k' Nowogrâdcem: „Zâto mežu námi biwaét nezgôdie, i mežusôbnijr ráti, czto nîmaem cária ót cârskogo róda. Wi adda posle moée smérťi wipráwite poslów w' Wariázeskuui Prúskuui zémlyu, i molíte támosznych Samoderžcew, Kurfístow, izchódecich ót roda Késaria Awgústa: da bíchu prízli knezowát na Rúś“. W' sey pówesti naipérwlye iest solganò, ieže bichu Nowogrâdci posiláli býli k' Wariagóm prosit knêza. Nemogáchu bo Nowogrâdci níkoli býť táko glúpi, da bichu býli to ucziníli. <...> táia pówest níkako nemózet býť ístinna» («Дескать, князь Гостомысл в своем завещании наказал новгородцам так: „Потому у нас бывают раздоры и междоусобные войны, что нет у нас царя из царского рода. Вы поэтому после моей смерти отправьте послов в Варяж-

скую Прусскую землю и молитесь тамошних самодержцев-курфюрстов, ведущих род от кесаря Августа, чтобы они пришли княжить на Русь“. В рассказе этом прежде всего наврано, будто новгородцы посылали к варягам просить князя. Ибо не могли новгородцы быть столь глупыми, чтобы так поступить. <...> рассказ этот никак не может быть верным») (с. 285, 623—624). Вымышленной Крижанич считает и саму фигуру Гостомысла, так как «Gostomíslu bo tomu níst znát nit otca, cziiy sîn bi býl: nit wrémena kogdá bi býl gospodowál: nit dël níkakowich, czto bi býl dëlal. Tókmo síje iedínaia pówest stoyít ob nyém napisana: dlyaradi kotórijie iest zdúmano síje íme Gostomísel: iako da bi býl Gostów Umíslil priwést na Rúš. Sám bachor míszlyaszë togda ob Gostêch: i dúmaiúć káko bi názwal kogo zdúmanogo sowétlika, nazwál go iest Gostomíslom» («Никто не знает ни отца, чьим сыном был Гостомysl, ни времени, когда он правил, ни дел никаких, которые он делал. Осталась только эта написанная о нем повесть, для которой и придумано это имя — „Гостомysl“ — тот, кто замыслил пригласить на Русь гостей. Сам сочинитель думал тогда о гостях и, размышляя, как назвать выдуманного им советчика, назвал его Гостомyslom») (с. 288, 625).

4. Приводим также фрагменты текста переписанной Крижаничем легенды о дарах Мономаха и «Политики», где он выражает свое отношение к ней.

Выписка из Свода 1652 г.

«I togo radi wel. Kz~ Wladimer Wsewladic' nareczesese perwij pomazannik, po Manamache Kostantine cari w kijewie, car i manamach welikija Rusija» (РГАДА, ф. 381, № 1801, с. 28).

«Segoradi carskiy weneć zowetse Manamachowa szapoczka: eiuz'e i doninie welia gd~ari cari i welikiye kzi~ Wladimirkija i Moskowskija i wsea Rusii wieneczaiutse» (РГАДА, ф. 381, № 1801, с. 28).

«Политика»

«Хотим даже назваться новым и свойственным нашему языку славянским именем Богдан <...>. Мы хотим изъять из нашего титула чужеземное слово «царь» и отныне будем именоваться славянским именем «король», ибо слово «король» включает все остальные, более низкие титулы» (с. 629).

«Чтобы закрепить все это неким достопамятным публичным актом и чтобы никто впредь не имел предлога или повода бесчестить нас или оспаривать в частных переговорах наш королевский титул, мы хотим во второй раз короноваться нашей русской короной и тогда окончательно устранить все дары и регалии Мономаха и остальные дары данайцев» (с. 629).

Крижанич предлагает заменить царский титул русского государя на королевский, мотивируя это тем, что слово «краль» имеет славянское происхождение. Мысль о неприемлемости титула «царь» для именованя русского государя была развита Крижаничем в трактате «О Rimskom carstwu». ⁴⁵ Титул «царь» (то же, что «цесарь» и «кесарь»), — пишет Крижанич, — является латинским заимствованием и первоначально было личным именем, именем римского императора. Присутствие этого слова в титулатуре русского государя вводит в заблуждение и указывает на якобы существовавшие связи между русским царским родом и родом римских императоров. По мнению Крижанича, использование чужого титула умаляет достоинство русского полновластного и независимого государя, ставит его в зависимость от власти иных правителей. ⁴⁶

⁴⁵ РГАДА, ф. 381, № 1799.

⁴⁶ Левочская А. С. «Car» и «Kraly»: Размышления Юрия Крижанича о монарших титулах // Славяноведение. 2010. № 5. С. 65—72.

Сопоставляя фрагменты из летописного свода и «Политики», мы находим следующие противопоставления: Мономах (чужое имя)—Богдан (свое имя); царь (чужой титул)—король (свой титул); *manamachowa szaroczka*—«наша русская корона». Таким образом, предложение Крижанича, с одной стороны, является репликой на конкретный текст (легенду о дарах Мономаха, изложенную в летописном своде), а с другой — вписывается в систему государственных взглядов Крижанича (отказ от чужого, стремление к государственной независимости).

Следует подчеркнуть исключительную важность того факта, что Крижанич комментирует конкретный текст — текст летописного свода 1652 г., т. е. мы имеем дело с непосредственной репликой на памятник официального летописания середины XVII в.

Таким образом, в интересующем нас фрагменте «Политики» (раздел 32 книги III «Политики») Крижанич предстает перед нами как внимательный читатель и критик конкретного текста, сделавший попытку написать свою «правдивую историю» Русского государства.